

Это был конец всего сущего.

Мон-кеи верили, что Конец Времён наступит в потоке битвы и крови, возвращении богов и гибели империй. Даже в эльдарских мифических циклах говорилось о времени, названном Рана Дандра, когда лорды-фениксы вернутся для последнего великого танца смерти.

Бьеланна не знала ни одной расы с легендами, в которых рассказывалось о том, что всё просто закончится. Какая в этом мифологическая драма?

Золотая симметрия пряжи распутывалась, варианты будущего разрушались. Судьбы всех живых существ расплетались с огромного гобелена бытия. Энтропия в материальном мире отражалась в пряже, и мерцающая матрица рассыпалась, пока разрастался вызванный архимагосом Телоком разрыв в пространстве-времени.

Бьеланна погрузилась в центр вихря гибнущих вариантов будущего, её дух стал мерцающим призраком в пряже. Духи внутри Бьеланны испугались, оказавшись здесь. Их страх был понятен. Их больше не защищали от Той Кто Жаждет камни душ, и они боялись разделить судьбу Ульданаиша Странствующего Призрака. Они были воинами, а для тех, кто носил военную маску, пряжа всегда казалась чем-то загадочным и недостижимым, поэтому как они могли понять то, что она пыталась сделать?

Её тело из плоти и крови перестало существовать, и каждое мгновение в пряже разъедало сам её дух. Только благодаря добровольной жертве и силе братьев и сестёр она вообще могла находиться здесь. Если они умрут, умрёт и она, и каждая жертва, каждая капля крови окажутся напрасной.

Бьеланна почувствовала, что Тарикуэль успокаивает остальных, рассказывая о “Лебедях милосердия Иши”, танце, который он исполнял для принца Ириэля в куполе Осенних Сумерек. Его вера в неё стала якорем, за который могли держаться остальные. Она слышала и другие голоса: Вайнеш и Ариганна Ледяной Клык усиливали её верой в свою ясновидицу.

Она прошептала спасибо, и слово замерцало в ткани и стало её частью.

Бьеланна следовала по разрушавшимся тропам пряжи, стены из воображаемого золота и света складывались, словно показываемое ими будущее больше не имело никакого значения для вселенной. Бьеланна летела сквозь распадавшуюся пряжу, точно самый дикий автарх Сайм-Хана, она лавировала в погибавшей паутине, продвигаясь всё глубже в психическую сеть.

Пути закрывались позади неё. Тропинки впереди исчезали за мгновение перед тем, как она успевала воспользоваться ими. Рои пауков варпа выбирались из своих нор, миллионами устремляясь в будущее по немногочисленным оставшимся путям.

Трещины в стенах расширялись, словно разрывался корпус повреждённого призрачного корабля. Воющий Хаос в пустых пространствах оттуда звал её, она слышала смех Той Кто

Жаждет и шепчущие посулы Изменяющего Пути.

Она чувствовала, как они тянутся к её душе, но летела ещё быстрее, преисполнившись решимости противостоять подобным увещаниям.

Куда бы она ни посмотрела, потенциальных вариантов будущего становилось всё меньше, пока их почти не осталось. Бьеланна заплакала от зрелища, как столь жестоко уничтожается будущее. Спланированная гибель вселенной уже сама по себе являлась замыслом наичистейшего зла, но погубить её случайно... воистину это было величайшей глупостью.

Очередной путь в будущее закрылся, миллиард миллиардов нерождённых жизней лишился шанса на существование. Бьеланна с отчаянием наблюдала, как пряжа сворачивалась повсюду, куда бы она ни посмотрела. С каждой захлопнутой дверью это отчаяние угрожало разрушить и полностью стереть её дух. Бьеланна зарыдала, поняв, что больше не видит пути вперёд. Каждый маршрут закрывался и блокировал все пути к надежде.

Надежда...

Да, надежда была ключом.

Потому что и другие ясновидцы должны были увидеть это.

Верить в иное стало бы огромным высокомерием с её стороны. Но если они видели, то почему никто из них ничего не сделал, чтобы предотвратить это ведущее к гибели вселенной событие?

И Бьеланна поняла, что, по крайней мере, один из них сделал.

В конце концов, она же была именно здесь и именно в этот момент.

Неужели её всю жизнь вели именно к этому?

Она и правда была пешкой в какой-то большой игре, как меньшие расы галактики были пешками для неё? По воле ясновидцев мира монкеев сжигали, а их население придавалось смерти ради жизни единственного эльдара.

Если Бьеланне было предназначено оказаться здесь, то только благодаря тому, что совет провидцев какого-то далёкого мира-корабля предвидел это и поставил её сюда именно в этот момент и именно для этой цели.

Она хотела ненавидеть этих неизвестных ясновидцев. Она хотела ненавидеть их со всей яростью своей души за то, что они отправили её и её соплеменников на смерть. За то, что лишили её детей шанса на рождение.

Но она не могла.

Она понимала лежащую в основе такого решения холодную логику. Она сама принимала подобные решения, отдавая себе отчёт, что отправляет разумных существ на смерть. Даже величайшие провидцы не видели, как далеко могут протянуться последствия их выбора.

Тот факт, что она вообще находилась здесь, говорил Бьеланне, что, по крайней мере, один провидец видел, что она могла остановить грядущий катаклизм. И с этой мыслью отчаяние исчезло, словно дыхание на холодной призрачной кости.

Бьеланна увидела этот последний путь, хрупкое будущее, которое вопреки всему сопротивлялось уничтожению. Её дух воспарил, и она полетела к этому будущему, потянув за собой сверкающий поток психического света. Бьеланна ворвалась в последний путь в заключительные моменты его существования.

Как нитка в игольное ушко.

Архимагос Котов открыл глаза и глубоко вздохнул, искренне поразившись тому, что вообще может дышать. Он сморгнул мерцавшие воспоминания о месте света и чудес, где не существовало никаких ограничений на силу мысли и величия, которого эта мысль могла достигнуть.

Громадная фигура архимагоса Телока заполнила всё его зрение, безумное лицо застыло в выражении ненависти.

Ему потребовалось мгновение, чтобы понять, что Телок мёртв, и что он каким-то образом всё же сумел убить его. Лицо Потерянного Магоса всегда казалось искусственным и неестественным, восковым из-за пластифицированной структуры и неизвестных омолаживающих процедур, но теперь оно стало полностью кристаллическим.

Он попытался отодвинуться от этого застывшего сияния, но понял, что не может пошевелиться из-за пригвоздивших его к командному трону “Сперанцы” когтей.

- А, конечно, - произнёс он. - Телок же тоже меня убил.

- Не совсем, - возразил голос за его плечом. - Хотя имел отличный шанс убить нас обоих.

- Таркис?

- Именно я, архимагос, - ответил Таркис Блейлок. - Теперь, пожалуйста, не шевелитесь, пока мы не освободим вас.

Котов попытался повернуть голову, но пронзившие его клинки мешали двигаться. Он ощущал, что рядом с ним есть кто-то ещё, но не мог понять кто именно, его чувства всё ещё оставались связанными с другим местом и другой реальностью. Он услышал громкий жужжащий звук вгрызавшегося в стекло плазменного резака.

– Я думал, что вы погибли, Таркис.

– И я так думал, – ответил Блейлок. – Но слухи о моей смерти и так далее и тому подобное. Телок вывел меня из строя при помощи, как я полагаю, какой-то постгипнотической команды, являвшейся составной частью мощнейшей атаки, в ходе которой он уничтожил наши корабли сопровождения. К сожалению, я не заметил опасность, пока не стало слишком поздно.

– То же самое можно сказать и обо всех нас, – произнёс Котов. – “Сперанца”? Она всё ещё наша?

Блейлок кивнул:

– Ещё не поступили все отчёты, архимагос, но, да, похоже, вражеская атака захлебнулась со смертью Телока.

Раздался глухой стеклянный треск, извещающий о том, что плазменный резак прошёл сквозь последний коготь Телока.

– Аве Деус Механикус! – воскликнул Котов, когда биологическая обратная связь послала волны боли по его искалеченному телу.

– Можно, господин Яэль, – произнёс Блейлок.

Телок пошевелился, но не благодаря какой-то оживляющей силе. Подобно статуе недавно свергнутого этнарха, архимагос Телок был сдвинут столь же внушительной фигурой космического десантника. Он тяжело упал на палубу и разлетелся на тысячу частей, куски тусклого безжизненного кристалла заскользили по палубе и рассыпались на крошечные фрагменты кубических наномашин.

– Что вы сделали с Телоком? – спросил Робаут Сюркуф, он нагнулся с болезненной гримасой, поднимая длинный и похожий на кинжал осколок уцелевшего кристалла. – Нас всех ждала неминуемая и ужасная смерть, он пронзил вас насквозь, а секунду спустя превратился в стекло.

Лицо вольного торговца представляло собой сплошной фиолетовый синяк и, судя по скованным движениям, было видно, что у него сломана ключица, несколько рёбер и, скорее всего, рука.

– Я... – начал Котов, но замолчал. – Я сражался с ним в инфосфере, но я был не один. Там

также были госпожа Тихон и крепостной Локк. Без них я бы погиб.

Котов посмотрел на свою разорванную грудную клетку, представлявшую собой месиво из уничтоженной биоорганической электроники и химикатов инфотока:

- Диагностика: похоже, моя первоначальная оценка оказалась верной. Почему я не умер? Повреждение от удара должно было убить меня.

- Вы правы в том, что должны были умереть, - согласился Блейлок. - То, что этого не произошло, красноречивее всяких слов говорит об исключительном характере произошедшего с вами в инфопространстве. Возможно, вы просветите меня относительно его природы?

- Когда-нибудь, Таркис, - пообещал Котов, позволив помочь себе встать с командного трона. - Но не сейчас. Телок мёртв, но что с его армией и Дыханием Богов? Что с разрывом в пространстве-времени?

- Смотрите сами, - сказал Блейлок и отошёл в сторону, позволив Котову без помех взглянуть на главный экран и медленно восстанавливающиеся завесы инфосвета.

Сначала Котов не совсем понял, что перед ним.

Экснихлио умирал, это было очевидно. Континенты раскалывались, каждый массив суши покрылся трещинами, которые складывались в пугающие геометрические фигуры. На всплывающих экранах транслировались результаты сканирования: пикты низкого разрешения с огромными грибовидными облаками атомных взрывов и исполинскими электрическими штормами. Первые являлись результатом детонировавших термоядерных комплексов, а вторые были вызваны, наконец, превысившими допустимые нагрузки атмосферными трансляторами.

Всё построенное Телоком окончательно и бесследно разрушалось, словно поруганная планета совершала самоубийственную месть за опустошение, нанесённое её окружающей среде. Устремлённые в небеса ульи промышленности обрушивались, колоссальные электростанции стремительно входили в цикл самоуничтожения, пока тысячелетия сжатого времени разрывали саму планету. Разрушились тысячи промышленных комплексов, и быстро поднимавшийся уровень температуры сказал Котову, что до глобальной огненной бури оставалось в лучшем случае несколько часов.

Выше, орбитальное пространство стало похоже на поле смертельной битвы с огромными полосами сверкающих обломков, которые раскинулись на сотни тысяч километров.

- Это Дыхание Богов?

- То, что от него осталось, - ответил Сюркуф, прихрамывая, переступив через перемешанные останки Галатеи. - Поднимавшиеся за ним два геоформирующих корабля активировали

двигатели и полетели прямо в его центр. Не думаю, что нам стоит беспокоиться, что кто-то сможет собрать его снова.

– Как? Кто управлял геоформерами?

– Таркис сказал, что двигатели запустились по команде Галатеи, – пояснил Сюркуф. – Поэтому, я полагаю, что это сделала Линья. Думаете, она ещё там?

Машинный гибрид теперь представлял собой всего лишь кучу металлолома, конечности и паланкин изрубили на куски в отмщении за смерть Вена Андерса. Тело-марионетка в чёрной мантии выглядело так, словно его пропустили через молотилку.

Мозговые колбы были разбиты, из них вытекал розоватый гель, и вывалились мокрые комки серого вещества и медные разъёмы. Одна избежала яростного возмездия, но её синаптическая деятельность угасала.

Котов покачал головой:

– Вряд ли. И даже если что-то осталось от госпожи Тихон, то оно скоро исчезнет. Это прискорбно, но её жертва и помощь будут записаны.

Челюсть Сюркуфа застыла от гнева, и на долю секунды Котову показалось, что вольный торговец может даже напасть на него. Момент прошёл, и Котов снова посмотрел на экран обзора. С помощью Блейлока он добрался до поста астронавигации, где решётчатое тело магоса Азурамаджелли всё ещё оставалось подключённым множеством проводов мысленно-импульсной связи.

– Азурамаджелли?

Потрескивающий поток примитивного бинарного кода сказал ему, что Азурамаджелли сохранил функциональность, правда, только на самом базовом уровне. Блейлок выдвинул несколько инфоконнекторов и подключился к загрузочным разъёмам магистра астронавигации.

– Что там происходит, Азурамаджелли? – спросил Котов.

Статика протрещала из-под капюшона Блейлока, переводя примитивный бинарный код Азурамаджелли:

– Чёртов адский шторм эпических масштабов, и мы находимся прямо в его центре, архимагос, – ответил скрипучий искусственный голос.

Стандартный способ передачи речи, но слова явно принадлежали Азурамаджелли.

- Проще говоря, Экснихлио разрывается и падает в первичный котёл временных сингулярностей, словно в сердце сверхмассивной чёрной дыры. Как только она достигнет временной критической массы, ткань пространства-времени разорвётся. И поверьте мне, нам не стоит здесь находиться, когда это произойдёт.

- Просто интересно, насколько далеко от чего-то подобного нам стоило бы находиться? – спросил Сюркуф.

Аугмиты под капюшоном Блейлока передали язвительный и резкий код Азурамаджелли:

- Позвольте мне так сформулировать ответ, господин Сюркуф. Через два часа эта система и всё, что в ней находится, перестанет существовать.

Хокинс вскарабкался на башенку “Мести Маккана” и спустился на палубу около переднего защитного щитка гусениц “Гибельного клинка”. За исключением искорёженного спонсона и многочисленных опалин от взрывов “Месть Маккана” закончил бой невредимым.

Он присоединился к Кархе Крид посреди моря разбитых кристаллов возле воссозданных главных ворот Вогена. Лейтенант опустилась на колени и просеивала сквозь пальцы горстку тёмных, как уголь и твёрдых частиц.

- Вы и ваши взводы хорошо сражались, Карха.

Она встала и вытерла угольную пыль на руках о серую униформу.

- Спасибо, сэр. Какие сообщения от полка?

- Почти всё одно и то же, – ответил он, вытаскивая бусинку из уха и позволив ей повиснуть на пропитанном потом воротнике. – С каждой палубы докладывают, что враги застыли на месте, а затем потрескались и рассыпались в пыль. Всё закончилось.

- Что, по-вашему, произошло?

Хокинс сложил кулаки за спиной и со стоном потянул мышцы. Ехать в битву в открытом башенном люке танка – в этом есть определённый героизм, но теперь всё его тело от таза до лопаток покрывали синяки.

- Чёрт, его знает, – ответил он. – Возможно, убийство Даханом альфа-зверя запустило таймеры этих существ, возможно, большим шишкам удалось убить Телока или то, что управляло ими. Я не знаю. Но если полк и научил меня чему-то, так это тому, что дарёному коню в зубы не

смотрят. Они мертвы, а мы живы. Сейчас для меня этого вполне достаточно.

Она кивнула и пнула потускневший осколок кристалла.

- Вот вам и безнадёжный бой.

- Он едва таким не стал, - ответил Хокинс, хлопнув ладонью по "Мести Маккана". - Думаю, мы все должны поставить выпивку Яну Коллинсу в "Плевке в Око".

- И, возможно, Гуннару Винтрасу.

Хокинс поморщился и повернулся посмотреть, как высокие боевые машины легио Сириус возвращались по разрушенному городскому пейзажу Вогена. "Луна Капиталина" и "Канис Ульфрика" уже углубились в город, но оба "Пса войны" задержались недалеко от дворца Мира. "Амарок" обернулся к полю битвы и приветственно поднял оружие.

- Винтрас с легио, - сказал Хокинс. - Он и сам может проставиться.

"Пёс войны" шагнул в город, и рёв его военного горна разнёсся по всей палубе, отражаясь эхом от ближайших стен.

- Я ставлю Яну первый напиток, - сказала Крид.

- Вставайте в очередь.

Они направились от работавшего на холостом ходу сверхтяжёлого танка к центру площади, где полковые знамёна красного, золотого и зелёного цветов развевались в неистовых порывах воздуха из вентиляционных систем. Хокинс остановился, чтобы отдать честь знамёнам, которым он и столь многие другие посвятили жизни. Изображения Императора смотрели на него в ответ, и Хокинс почувствовал прилив гордости, увидев всё их сияющее великолепие.

Бригады медиков неистово работали над ранеными, а проповедники Муниторума распевали молитвы над мёртвыми. Дребезжащий голос раздался из вокс-бусинки на воротнике, но он проигнорировал его, потому что приближался магос Дахан.

Как и все они Дахан не закончил бой без шрамов. Было очевидно, что секутор с трудом сохраняет равновесие, а одна его рука свободно свисала вдоль тела. Он перекинул кебрениянскую алебарду за спину, её клинок по всей длине покрывали зазубрины и сколы.

- Капитан Хокинс, - произнёс Дахан. - Ваша вокс-бусинка отключена.

Даже при том, что лицо Дахана почти полностью было металлическим, а его голос – искусственно воспроизведённым, что-то в неожиданном приветствии насторожило Хокинса.

– Мне нужно было перевести дух, – сказал он.

– Вам следует вернуть её.

Хокинс вздохнул и поместил очерченный бутон в ухо. Он слушал несколько секунд, а затем закрыл глаза.

– Сэр? – спросила Крид. – В чём дело? Что случилось?

– Похоже, они были правы, – ответил Хокинс – В конце концов, это оказался безнадёжный бой.

– Что вы хотите сказать?

– Полковник Андерс, – произнёс Хокинс, присев и положив локти на колени. – Он погиб в бою.

Робаут понимал, что мрачное заявление Азурамаджелли должно было сильно испугать его. На самом деле оно должно было испугать его до кончиков ногтей на ногах. В конце концов, они так много сделали для победы, и всё только для того, чтобы в самом конце она ускользнула от них. Это должно было заставить его прийти в ярость на воистину космическую несправедливость происходящего.

Вместо этого он полез в нагрудный карман кителя и произнёс:

– Вы ошибаетесь, магос Азурамаджелли.

– Ошибаюсь? Не будьте смешны, – огрызнулся Азурамаджелли через аугмиты Блейлока. – Доказательства, что я прав находятся прямо передо мной.

Робаут достал компас и положил на панель астронавигации. Стрелка мгновенно перестала дрожать и безошибочно устоялась вдоль точного курса, который Галатея проложила назад на Марс.

– Что это? – спросил Блейлок.

– Талисман, – ответил Робаут, продолжая прижимать руку к бронзовой оправе компаса. – Вещь, которая всегда вела меня домой. Он никогда раньше не подводил меня, не думаю, что подведёт и сейчас.

- Не будьте глупцом, Сюркуф, - возмутился Азурамаджелли. - Проблема не в курсе, я отлично знаю путь на Марс. Проблема в том, как покинуть систему, прежде чем разорвётся ткань пространства-времени!

- Просто следуйте компасу, - произнёс Робаут, чувствуя, как предмет нагревается под кончиками пальцев, словно образуя мост между своим владельцем и чем-то невозможно далёким, но всё же глубоко знакомым.

- Я буду помнить вас, - сказал Робаут.

Он закрыл глаза...

...и открыл в месте, которое он уже видел раньше, но не мог вспомнить. Инстинктивно он понимал, что на самом деле его здесь нет, и он просто является гостем в чужой душе. Душе, к которой он прикоснулся, когда их руки и разумы встретились на Экснихлио, когда она использовала его любовь к друзьям, чтобы открыть портал на "Сперанцу".

Бьеланна умерла, по крайней мере, в том смысле, который был доступен Робауту. Но её дух ещё жил, превратившись в искрившую иглу света, которая летела со скоростью мысли в мире, который мало кто из смертных когда-либо видел или хотя бы знал о его существовании. Всё здесь говорило о великой красоте и великом горе. Красота исходила из поразительного потенциала будущего всего, что он видел, горе - от понимания в глубине души, что этот мир был когда-то намного больше.

Робаут и Бьеланна вместе летели сквозь пряжу, хотя смысл этого слова оставался для него неясным - и тянули за собой нити прошлого. Он понял так много, потому что Бьеланна хотела, чтобы он это понял.

Они погрузились в варианты будущего, узкие тропинки совершенной геометрии, кривых и линий, которые уходили вдаль золотыми параболами. Пути простирались за пределы временного горизонта событий, и даже Робаут понял, что увиденное являлось частью того, что должно быть.

Варианты будущего разрушались, распадалась в случайный хаос, но он ясно видел, что стремилась сделать Бьеланна.

Азурамаджелли сравнил пространство-время с тканью, боясь, что оно разрывалось. Аналогия оказалась подходящей, потому что дух Бьеланны стал иглой, и золотыми нитями прошлого она заново сшивала пространство и время.

Ощущение скорости было невероятным, и Робаут скорее чувствовал, чем видел повсюду, куда бы ни бросил взгляд, сжатую природу времени. Возможность всего, что могло когда-либо существовать, не была потеряна. Пряжа всё ещё сохраняла всё, что когда-либо было, а то, что когда-то было, всегда могло произойти снова.

Картины былых времён проносились размытым пятном, древние войны, мечты об Объединении и некогда казавшиеся бесконечными эпохи обращались в прах. Всё прах – это был известный в прошлом афоризм или Робаут просто придумал его? Ни в чём нельзя быть уверенным здесь. Возможность содержалась во всём, определённая становилась достоянием истории, где – даже там – оно могла быть изменена объединённым давлением памяти и времени.

Вот, что пыталась сделать Бьеланна, перекроить вселенную, какой та была, в то, что ей было нужно. Изображение Робаута взлетело, сверкающая игла вернулась к нему, и они помчались вперёд по скрытым коридорам времени.

Он видел триллионы и триллионы жизней, больше, чем человеческий разум мог представить, которые проживали свои судьбы за мгновение ока. За ними стояли другие жизни, чьё количество не поддавалось подсчёту, безликие судьбы, которые могли появиться, но так никогда и не появились. Неоплодотворённые яйца, нерождённые дети, не выбранные пути.

Так много...

Робаут заплакал призрачными слезами, глядя на них, их мучительное желание быть почти сокрушило его тяжкой ношей скорби. Впереди безликой массы стояли два ребёнка, эльдары, судя по изящным сужавшимся подбородкам и медовым глазам. Они стояли так близко, что он почувствовал, что может протянуть руку и дотронуться до них. Их нерождённые лица перемещались почти в пределах досягаемости, как и отступавшие в туман фигуры.

Это всё ради них.

Робаут и Бьеланна взмыли ещё выше, переплетавшиеся и сжимавшиеся нити натянулись, потому что импульс разрыва угрожал опередить их скорость. Казалось, что они замедлились, и Робаут почувствовал боль Бьеланны, как свою собственную, словно яростно разрывали сами связи между молекулами его тела.

Возникло чувство, что всё его тело разваливалось.

Держитесь, мы должны выдержать!

Робаут подавил ощущение, что всё его тело было готово разлететься на составляющие атомы, и сосредоточился на всём том, что делало его тем человеком, которым он был. Честности; чувстве долга и чести, которые бились в нём с рождения; верности; непокорности; безрассудной любви к неизвестному и – больше всего – любви к друзьям и желании видеть их счастливыми.

Он был хорошим человеком или, по крайней мере, ему нравилось так думать. Как и у всех, у него были и недостатки, он бывал жестоким и порой не считался с нуждами других. Все эти вещи делали его человеком, достойным, чтобы о нём помнили, и в этом он был не одинок.

Робаут вспоминал жизни, которые он знал, жизни, которых он коснулся, и жизни, которые ему ещё только предстояло узнать.

Да, никогда не стоит забывать то, о чём можно мечтать.

Его воспоминания были рассеянными, несосредоточенными или неструктурированными. Бьеланна же обладала строго упорядоченным разумом, она веками обучалась управлять воспоминаниями, её мысли были строго направлены к единственной цели. Его образ мышления являлся проклятием для неё, дико непредсказуемым и опасным.

Вместе они двигались на самом гребне растущего пути золотого света, стены которого напоминали молочно-белый мрамор с красными прожилками. Он чувствовал едва заметную вибрацию, точно слабую дрожь в надстройке капитального корабля. Позади него нити прошлых жизней и событий становились всё толще, всё больше и больше их тянулось к стремительно летевшим сквозь разорванную пряжу фигурам.

Похоже, он и Бьеланна приближались к сверкающему горизонту, сиявшему возможностью. Робаут хотел увидеть тот далёкий берег, узнать его тайны и шагнуть на тёплые пески.

Затем они пролетели над его сверкающей границей, и взгляду Робаута предстал бесконечный мир света, простиравшийся во все стороны, насколько только можно было вообразить. Бьеланна выпустила нити прошлого, позволив им упасть там, где раскинулась ткань света. Они падали, словно пряди золотистых волос, разделяясь и разветвляясь, как растущая сеть нервов новорождённой жизни.

Куда бы он ни посмотрел, то видел протянувшиеся в будущее нити, сложность которых росла по экспоненте, ускоряясь в будущее со скоростью возможности.

И затем пришло ужасное чувство разлуки, отторжения.

Он боролся, чтобы удержаться, испуганный мыслью остаться здесь в ловушке. Это не был его мир, он не принадлежал ему. Увидеть такое место было чудом, даром, который он всем сердцем надеялся не забыть, но существовать здесь?

Это станет безумием для смертного.

Откройте глаза, возвращайтесь домой. Живите.

Присутствие Бьеланны отдалилось от Робаута, исчезая в сотканных ею бесконечных золотых нитях. Она исправила то, что разорвал Телок, но такой подвиг имел свою цену.

Он наблюдал, как падал её дух, рассеивался, смешивался с основными и поперечными нитями прошлого, настоящего и будущего. Он отчаянно хотел сказать что-нибудь на прощание, но как

слова могли передать глубину того, что каждое живое существо вновь обрело шанс на существование только благодаря ей?

Бьеланна Фазрэлль исчезла в пряже, чей золотой свет окутал её дух и души остальных эльдарских воинов, защищая от Той Кто Жаждет. За мгновение, перед тем как вернуться на “Сперанцу”, Робаут мельком увидел нерождённых эльдарских детей.

Их лица всё ещё оставались нечёткими, но он знал, что они улыбались.

Приветствуя свою мать.

Смотровой купол Кватрии оказался пуст, как и ожидала Линья. Пленённые Галатеей магосы исчезли, они, наконец, обрели свободу и вернулись к свету Омниссии. Казнь гексаматическим убийственным кодом, как и сказала Сиристте, была необратимой и беспощадной.

Она скучала по ним.

Стены стали туманными и размытыми, напоминая отражения в окнах с закопчёнными стёклами. Бронзовые и золотые наблюдательные инструменты мерцали призрачными воспоминаниями о самих себе. Но звёзды за пределами кристафлексового купола горели ярко, ярче, чем она когда-либо помнила.

Линья улыбнулась последнему виду небес.

Её сила сохранять это воображаемое место уменьшалась с каждой секундой. Скоро убийственный код проникнет в разум и всё исчезнет навсегда.

Она сдерживала его достаточно долго.

Осталось сделать всего одну вещь, прежде чем уступить наступающей тьме.

Линья вытянула руки и подняла на уровень плеч.

Пол также поднялся в форме сплошного купола, образованного из таких же крошечных геометрических кубов, из которых она создала защитные программы для сдерживания Галатеи.

Именно там находилась последняя часть Галатеи/Телока, мерцающий тлеющий уголёк сознания, который был нужен, чтобы приказать геоформерам запустить двигатели.

Глянцевые стороны чёрных кубиков сложились сами в себя и пролились водопадом.

Тюрьма оказалась пустой, от жалкого утробного создания, которое она заперла здесь, осталась только мелкая чёрная зола. Золотой меч архимагоса Котова настолько полно исполнил своё предназначение, что уничтожил саму сущность Телока до самой мельчайшей части? Или, скорее, Телок покончил с собой перед лицом справедливого возмездия?

В любом случае, Линье пришлось признать, что она испытала разочарование.

Она надеялась на чувство завершённости, возможность ещё немного продлить страдания Телока. Но ей отказали даже в этой малости. Она вздохнула, и ветер унёс золу, которая распадалась, пока не осталось совсем ничего, что могло свидетельствовать о существовании архимагоса Веттия Телока.

Линья бросила последний взгляд на воображаемое окружение.

Её мир увядал в черноту, оставляя только звёзды, смотревшие вниз.

Время пришло.

– Линья?

Она оглянулась. Перед нею стоял отец.

Линья бросилась к нему, и он обнял её.

Виталий перестроил оптику и ссутулился, когда вернулась холодная действительность кузни “Электрус”. Он чувствовал, как непосильная ноша боли и страдания отступает, хотя навсегда останется с ним.

Это было хорошо, потому что она являлась более материальным напоминанием о том, что для него значила Линья, чем то, что могло сохраниться в инфокатушке.

Он стоял перед троном Механикус, металлическая рука Авреема Локка сжимала его левую руку, а Исмаила де Ровена – правую. Койн и Хоук безвольно сидели по обеим сторонам трона, один потерял сознание, другой находился при смерти из-за объёма отданной крови.

– Вы видели её? – спросил Исмаил. – Успели попрощаться?

Виталий кивнул, больше не думая о том, что Исмаил был сервитором. Сделанный им Виталию подарок слишком много значил, чтобы чувствовать что-то, кроме самой глубочайшей благодарности.

- Успел, - ответил он. - И за этот дар я никогда не смогу расплатиться.

Исмаил покачал головой:

- Вы мне ничего не должны, - произнёс он. - Авреем соединил вас с дочерью в инфопространстве. Я просто помог вам попасть туда.

Виталий оглянулся, когда Хоук застонал и вытащил из руки трубку для переливания крови. Капельки крови упали с конца иглы, когда она застучала по палубе.

- Призрак Тора, как же здесь холодно, - произнёс он, держась за спинку трона, чтобы не упасть. Его взгляд был стеклянным и рассеянным, а кожа - белой, как пергамент. - Я пьяный. Когда я успел напиться?

- Ты не пьян, Хоук, ты только что потерял больше двух литров крови, - объяснила Хирона Манубия.

- О, - сказал Хоук. - Тогда покажите мне, где я могу напиться.

Виталий помог Хоуку спуститься по ступенькам и посадил на деревянную скамейку рядом с ранеными воинами Тота Мю-32. Протектор Механикус подключил трубку для переливания между Хоуком и бритоголовым адептом, и направился дальше, заниматься более тяжёлыми ранами.

Виталий посмотрел вверх, когда на него упала тень.

Он отшатнулся, потому что над ним навис Расселас Х-42, тело кибернетического убийцы покрывало множество ужасных ран, любая из которых стала бы смертельной для обычного человека.

- Адептус Механикус, - прохрипел аркофлагеллант влажные слова сквозь кровавую пену. - Тихон, Виталий. Образец личности принят. Расселас Х-42 завершил последовательность активации. С вашего позволения.

Виталий покачал головой:

- Нет, нет, ты активирован на...

Он замолчал и поспешил назад к трону Механикус. Расселас Х-42 хромая направился за ним. Виталий остановился в конце нефа. Слева от него стояли Манубия и Тота Мю-32, а справа - Исмаил де Ровен. Он посмотрел на Авреема, уже поняв по словам аркофлагелланта, что увидит.

Голова Авреема лежала на плече, грудная клетка не двигалась.

- Он...? - спросил Тота Мю-32.

- Да, - ответила Хирона Манубия, её глаза стали влажными от слёз.

- Я так и не успел поблагодарить его, - сказал Виталий.

- Он знал, - произнёс Исмаил. - Это был его последний подарок.

Один за другим они опустились на колени перед троном.

Они склонили головы и начали молиться новоявленному святому Адептус Механикус.

<http://tl.rulate.ru/book/30591/660333>